

М. В. Боброва

КОМИ-ПЕРМЯЦКАЯ ЛЕКСИКА РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале современных прозвищ)

В статье рассмотрена лексика тематической группы «Растительный мир», мотивировавшая современные прозвища коми-пермяков, проживающих в Пермском крае.

В рамках этнолингвистического подхода выделены тематические (идеографические) сферы проявления вторичных значений лексики указанной группы. Обнаружено, что лексика флоры используется для трансляции экзистенциальных, физических, психоэмоциональных и социальных характеристик человека. В рамках данных сфер выделяются более частные группы культурно-семантических коннотаций. Человек характеризуется со следующих позиций:

- 1) бытийность: человек – существо, элемент определенной картины мира;
- 2) физические и физиологические особенности: человек обладает прежде всего физическими признаками: такими, как рост, конституция, форма тела и его частей; затем – признаками внешности, среди которых особенно мимики, преобладающего во внешнем облике цвета, в целом эстетические свойства внешности человека; человек обладает также сексуальной ориентацией и определенным состоянием здоровья;
- 3) психоэмоциональные характеристики: как существо «волящее», человек проявляет какие-то предпочтения (прежде всего – пищевые) и зависимость от вредных привычек; как существо эмоциональное, он проявляет страх;
- 4) социально значимые признаки: прежде всего – характер проявлений человека в общественной жизни (в нашем случае – способность быть участником некоторых событий или склонность к асоциальным поступкам); особенности речевого поведения, наличие родственных (семейных) связей; а помимо этого – этнотерриториальная, этническая принадлежность и идентичность.

Обнаружено противоречие между тем, что лексика растительного мира обладает лингвокультурной маркированностью, и тем, что такая лексика редко актуализируется при создании прозвищ.

Сделан вывод о том, что прозвища представляют собой значимый источник этнокультурной информации о номинаторах и носителях таких наименований.

Ключевые слова: коми-пермяки, Пермский край, тематическая группа, растительный мир, прозвища, этнолингвистика, тематическая (идеографическая) сфера, культурно-семантические коннотации.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-384-394

В центре внимания в данной статье – лексика растительного мира как источник этнокультурной информации, которую мы извлекаем из комплекса употреблений таких слов, мотивировавших современные прозвища (далее также «пр.»). В настоящем случае наше внимание привлекли антропонимы коми-пермяков (представителей одного из малых народов России, составляющих третью по численности группу населения в Пермском крае).

До сих пор подобного рода изыскания этнолингвистического характера осуществлялись преимущественно на материале апеллятивов с применением методов семантического и мотивационного анализа, и в этом направлении достигнуты значительные успехи. Представители «Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики» Е. Л. Березович и М. Э. Рут выработали приемы «ономастиологического портретирования» слов как одного из способов «систематизации языкового (в том числе текстового) материала в целях получения информации об особенностях менталитета носителей языка» [Березович, Рут 2000, 33]. Образцы применения этого методологического подхода мы обнаруживаем в монографиях и статьях, посвященных изучению некоторых соматизмов, терминов родства, наименований пищи, лексических единиц других тематических групп, а также фразеологизмов, топонимов и катойконимов (см., напр., [Березович 2014, 2018; Березович, Кабакова 2017; Березович, Седакова 2012; Осипова 2017б] и др.). Прозвища привлекли внимание исследователей лишь единожды [Осипова 2017а], несмотря на то, что неофициальные личные наименования – это продукт живо-

го социального взаимодействия, по природе своей «антропоцентричный» и дающий исключительно благодатную почву для этнолингвистических изысканий.

В статье предпринимается попытка такого подхода к прозвищам. С этой целью было изучено более 900 антропонимов коми-пермяков из архива (всего включающего более 5000 единиц), собранного для проектируемого нами «Словаря современных прозвищ жителей Пермского края». Материалы зафиксированы в период с 1997 г. по настоящее время в ходе диалектологических экспедиций (в том числе с участием автора статьи) в Коми-Пермяцком округе (далее также КПО), а также непосредственно в процессе сбора данных для Словаря. Прозвища выявлены в ходе общения с коми-пермяками либо извлечены из письменных источников (малочисленных монографических изданий [Юрлинский край 2003; Русские... 2008; Лупинцы 2011], научных статей [Голева 2013; Лобанова 2019] и некоторых других; студенческих и школьных учебных научно-исследовательских работ¹, в которых упоминаются прозвища коми-пермяков; а также из краеведческих источников²). Привлекались антропонимы всех возрастных групп. Носители абсолютного большинства прозвищ – это жители сельских населенных пунктов Коми-Пермяцкого округа, немногочисленны выявленные именованные жители г. Кудымкара (столицы округа), а также студентов, чьи прозвища возникли уже в краевом центре – Перми.

Специфика социокультурной ситуации в крае обусловила особый подход к отбору материала. Все коми-пермяки в регионе билингвальны, свободно переключаются с одной языковой системы на другую в процессе коммуникации. Кроме того, лексическая система коми-пермяцкого языка по-прежнему широко открыта для заимствований из русского. По этой причине нами исследовалась вся лексика, мотивировавшая прозвища: коми-пермяцкая (*тишак* ‘гриб’), заимствованная из русского или через русский (*морковь*, *огуреч* ‘огурец’) и собственно русская (*гриб*).

Выявленная лексика тематической группы «Растительный мир» немногочисленна (26 слов в 32 онимах), но входит в 12 лексико-семантических групп («Общие названия растений», «Названия растений (фитонимы)», «Названия частей растений (в том числе их плодов)» и др.).

Полный ономаσιологический портрет реалии предполагает несколько этапов исследования. Прежде всего – это «констатирующий» уровень анализа: анализ информации, извлекаемой из внутренней формы языковых единиц. Далее – уровень «интерпретационный», на котором выявляются национальные стереотипы «авторов» номинаций. Третий уровень – «оценочный»: он предполагает выявление роли образа реалии в национальной картине мира.

При «первых подходах» к анализируемому материалу мы отобрали материал для исследования и выявили лексико-семантические группы флористических слов в основе современных прозвищ коми-пермяков; сделали выводы о низкой степени «проработанности» слов растительной тематики в прозвищах коми-пермяков (см., в частности: [Боброва 2018]).

В продолжение начатого исследования сосредоточимся непосредственно на антропоцентрическом аспекте работы. Составим реестр тематических (идеографических) сфер проявления в прозвищах вторичных значений лексики растительного мира.³

1. Человек экзистенциальный

Названия растений способны символизировать самого человека как факт бытия, как индивидуума – его бытийность. Показателен выбор с этой целью лексемы с общей (родовой) семантикой: *пу* ‘дерево’ > *Гырка Пу* букв. ‘дуплистое дерево’ (*Часто болеет* (Кочевы Коч.)). Причем уподобление человека и дерева в целом свойственно коми-пермяцкому узусу, ср., например, в выражениях *сисьмӧм пуӧн дзуртӧ* букв. «прогнившим деревом скрипит» – ‘о вечно больном человеке’, *ӧтка пу* букв. «одинокое дерево» – об одиноком человеке [Томилина 2015, 175]. Мы склонны усматривать в этом древнейшие мифопоэтические мотивы универсального характера, а не только явление коми-пермяцкой культуры.

¹ См.: *Ершова В. А.* Аспекты изучения современных коми-пермяцких прозвищ: ВКР. Пермь, 2003. 60 с. (В рукописи); *Нечаева Л. Н.* Прозвища коми-пермяков, функционирующие на территории д. Мижучево Кудымкарского района (лексико-семантический аспект): ВКР. Пермь, 2012. 13 с. (В рукописи); и др.

² См., например: *Гусева К. П.* Поклонись родному дому. Пермь, 2008. 257 с.; Место отчее. Пермь, 2011. 124 с.

³ Здесь нами не рассматривались лексемы, от которых произведены прозвища с непроясненной мотивировкой: *помидор* (> *Помидор*, Хазово Коч.), *тишак* ‘гриб (общее название)’ (> *Тишак*, Хазово Коч.), *масляк* ‘гриб маслянок’ (> *Масляки*, катойконим жителей д. Пармайлово Кочевского района).

Ср. образ дерева в славянской мифопоэтике: «Дерево, куст – один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий его пространственный и временной образы (ср. так наз. *мировое дерево*). Д. наделяется свойствами универсального медиатора; одновременно соотносится с верхним (небо, Бог и святые, небесные тела), средним (человек) и нижним (хтонические существа, предки, отчасти демоны) мирами. Важнейшим аспектом мифологии Д. является его связь с человеком (его телом, категориями жизнедеятельности, судьбой и т. д.), о чем свидетельствуют сюжеты о превращении человека в Д., Д. как замена человека в обрядности, символическое отождествление человека с Д., представления о Д. как об инкарнации человека после смерти и др. Д., его части и предметы из него широко используются в семейной, календарной, хозяйственной и окказиональной обрядности и магии, а также в народной медицине» [Агапкина 1999, 60].

Аналогичные славянским мотивы и сюжеты обнаруживаются и в фольклоре коми-пермяков, а также их «родственников»: коми-зырян, удмуртов, манси, – и носителей иных финно-угорских культур (см. работы В. Е. Владыкина, Т. Г. Владыкиной, Т. И. Дроновой, В. П. Ершова, К. Жакова, А. А. Клементьева, Н. Д. Конакова, П. А. Орлова, В. А. Семенова, Е. Тищенко, О. И. Уляшева, В. Э. Шарапова, в том числе [Кириллова 2015; Королева 2012; Подюков 2015; Энциклопедия... 1999–2004; *Komi mütoloogia* 2015; Sharapov 1993], др.). При этом исследователи обнаруживают много общего в восприятии дерева как элемента мифопоэтики русских и финно-угров. И это естественно для народов, не просто сосуществующих на протяжении веков на одной территории, но активно взаимодействующих, результатом чего всегда является, в терминологии К. В. Чистова, «контактное сотворчество» [Чистов 1982]. И тем более естественно, если придерживаться ностратической теории, утверждающей родство индо-европейцев и финно-угров.

Однако для полноценного обобщения и сопоставления данных по русской и коми-пермяцкой культурам потребуется особое исследование. В данном же случае ограничимся констатацией культурной маркированности *дерева* как мифопоэтического средства построения этнокультурного образа человека.

2. Человек физический

а) Физические особенности

Апеллируя к названиям растений, номинаторы подчеркивают различные физические и физиологические особенности называемого человека.

В частности, особенности роста передаются при помощи лексем *банан* (> *Банан*, Юкеево Коч.), *кõнтусь* ‘конопля’ (> *Кõнтусь*, КПО) и *пикан* ‘молодой побег сняти обыкновенной, употребляемый в пищу’ (> *Пикан*, Гайн.). Первая из них призвана обозначить рост высокий, две другие – низкий. Выбор лексики не случаен. Так, куст конопли (конопли посевной, которая выращивалась для изготовления тканей), как известно, достигает обычно 1,5 м, и в этом случае можно говорить о том, что носитель прозвища роста «ниже среднего», и уточнить: скорее, «среднего женского роста»⁴. Понятие же *пикан*, полагаем, призвано подчеркнуть иные характеристики носителя прозвища, поскольку молодые такие побеги в свежем (салаты) и отварном виде – это одно из самых любимых кушаний коми-пермяков. В номинации заложен оттенок снисходительности, легкой иронии по отношению к какому-то молодому, крепкому, возможно «очень полезному», но физически не совершенному человеку.

Антропоним *Банан* (*Длинный, худой, белый и горбатый* (Юкеево Коч.)) особенно интересен, поскольку в нем через понятие о соответствующем фрукте передано сразу несколько физических характеристик носителя прозвища: высокий рост, субтильная конституция, очень светлый цвет волос и форма спины.

Показательно, что слово *банан* подчеркнуло в первую очередь форму тела человека (и не случайно в предложенной информантом мотивировке прозвучало «длинный»), в то время как названия травянистых растений – именно *рост, уровень*, на котором человек возвышается над землей.

Названия плодов актуализируются и при обозначении формы частей тела: головы (*огуреч* ‘огурец’ > *Огуреч: Голова у мужчины не круглая, а овальная* (КПО)), живота (*арбуз* > *Арбуз Петь: Этого человека прозвали так за очень большой живот* (КПО)). Ср. в противовес названным онима прозвище, в котором подчеркивается, скорее, «наполнение» (подкожные жировые отложения), нежели собственно форма живота, – *Кыз Кынём* (< *кыз кынём* букв. «толстый живот»): *Живот у мужчины большой и толстый* (КПО).

⁴ Имеются в виду средние антропометрические показатели коми-пермяков.

б) Внешность

С помощью лексики флоры может кодироваться информация об особенностях мимики человека: *шѳмкор* ‘щавель’ (*Лицо у женщины постоянно недовольное* (Кочеву Коч.)). Данный фитоним связан с понятием *шѳм* ‘кислый’ и его производными: *шѳма* ‘кислый’, *шѳмом* 1) ‘скисший, прокисший’, 2) ‘брожение, квашение’, *шѳммыны* ‘киснуть, закиснуть, бродить’ и др. [КПРС 1985, 566–567]. Иными словами, данная номинация рисует образ человека, у которого лицо искажено характерной гримасой, как если бы он съел что-то со специфичным острым вкусом. Ср. аналогичное употребление соответствующего понятия в русском языке: *кислое лицо* (*улыбка*, др.). Однако в последнем случае наблюдается своеобразная градация степени проявления признака «кислый», поскольку так могут обозначать либо унылое (слабая степень), либо недовольное (высокая степень) выражение лица. В коми-пермяцком прозвище, благодаря конкретности созданного фитонимом образа, подобная вариативность исключена.

Названия растений иногда сообщают о преобладании какого-либо цвета во внешнем облике человека, в частности – в одежде: *капушта* > *Капушта* (*Девочка пришла в школу в зелёной одежде, так её и назвали* (КПО)). Причем выбор лексемы наталкивает на предположение о том, что на девочке было несколько предметов одежды такого цвета.

Фитонимы способны транслировать представления об эстетических свойствах внешности называемого человека. Интересно с этой точки зрения прозвище *Вѳру*. Антропоним образован от лексемы с общим значением, называющей скопления деревьев, – от слова *вѳр* ‘лес’. Информатор объяснил: *Отца называют Калян (страшный)⁵, а сына – Вѳру, «лесной», «лесной маленький человечек»* (Мижучево Коч.) – и вписал окказионализм в систему мифологических представлений коми-пермяков, т. к. оним оказался в одном ряду с другими названиями нечисти, обитающей в лесу: *вѳрись* ‘лесной’, *вѳрдядь*, *вѳрись дядько* ‘лесной дядя’, *медыджытыс вѳрас* ‘самый большой в лесу’, *вѳрморт*, *вѳрись морт* ‘лесной человек’, *вѳр хозяин* ‘лесной хозяин’, а также *вѳр инька* ‘жена лешего’ [Голева 2011, 150, 151; Конаков 1999а, 118; КПРС 1985, 83]. Однако слово приобрело ласкательный суффикс -у, который привнес в апеллятив семы ‘лицо, человек, существо’ и ‘младший’ («младший леший», «лешачонок»). С учетом формы окказионализма можно говорить о том, что в прозвище транслирована идея более слабого проявления признака: «не с такой пугающей, отталкивающей внешностью, как у отца».

в) Сексуальная ориентация

Культурно окрашенная лексика флоры способна символизировать даже сексуальную ориентацию индивида. В коми-пермяцкой антропонимии в такой роли выступил фитоним *одуванчик* (*Одуванчик – одинокий человек. Он голубой* (Митино Коч.)). На первый взгляд, лексема выбрана для создания образа нелюдимого человека неожиданно, поскольку известно, что одиночные такие растения встречаются крайне редко. Но здесь мог сработать один из популярных принципов «прозвищенаречения» – «иронический», когда лексема используется в значении, противоположном (антонимичном) основной семантике (ср. многочисленные наименования типа *Лысый*, используемые по отношению к людям с длинными, густыми, растрепанными и т. п. волосами, *Толстый* – по отношению к худощавым, под.). И в данном случае этот подход к номинированию лица был поддержан смысловыми связями лексемы *одуванчик* с фразеологизмом *божий одуванчик*, который употребляется в следующих значениях: иронически ‘старый, дряхлый, тихий и беззащитный человек (чаще – о кроткой, безобидной старой женщине)’, жаргонное, шутливо-ироничное ‘смотрительница музея (обычно интеллигентная старушка)’, школьное жаргонное, шутливо-ироничное ‘студент-практикант’, а также жаргонное шутливое ‘девушка с химической завивкой волос’ [Мокиенко, Никитина 2007, 462]. Первое из этих значений, общерусского характера, безусловно известно коми-пермякам. И подчеркнем особую устойчивость, повторяемость семы ‘лицо женского пола’, которая, со всей очевидностью, оказалась «привязана» к образу этого цветка (не случайно чаще используется выражение *бабушка – божий одуванчик*). Полагаем, что в рассматриваемом нами прозвище отразилось прежде всего особое восприятие гомосексуалиста и отношение к нему: это не обязательно старый и дряхлый, но всё же тихий, беззащитный, кроткий, безобидный человек и при том (уже и в силу таких особенностей поведения) «не совсем» мужчина. Иными словами, наш *Одуванчик* – это, так сказать, «недочеловек», точно так же, как и студент-практикант, чья номинация выбивается из ряда «женских» *божьих одуванчиков* (только в данном случае это «недоспециалист», недоучка).

⁵ *Калян* – «нечистая сила, способная принимать человеческий облик»; им «обычно пугали детей» [Конаков, 1999а, 184], ‘бес (существо, появляющееся в темноте, которым пугают детей)’, ‘чёрт, всякая нечисть’ [КПРС 1985, 164], в т. ч. ‘леший’ [Голева 2011, 151].

г) Состояние здоровья

Единственное зафиксированное прозвище, в котором отражается общее состояние здоровья человека, – уже упомянутое раньше *Гырка Пу* (Кочеве Коч.). Издавна, «характеризуя какого-либо человека, было принято сравнивать его с тем или иным *пу*, например: “Подобно свилеватому дереву сто лет проживет”» [Конаков, 1999б, 317]. В нашем случае через образ гнилого дерева транслируется сообщение не просто о факте существования поименованного лица, но прежде всего о его болезненности. Как уже отмечалось выше, отождествление человека и растений – один из древнейших фольклорных мотивов, отразившихся в том числе во фразеологии. Особенно интересна в данном случае древняя культурная параллель между болезненностью человека и гнилостностью, где постоянные недомогания рассматриваются как то, что постепенно и неотвратно разрушает организм человека и способно в конце концов свалить, убить его. В народных же представлениях это находит «двойническое» выражение по аналогии с обилием дупел в дереве, т. е. наиболее слабых мест, через которые дерево особенно сильно испытывает разрушительное воздействие окружающей среды. И понятно, что такое дерево (и такой человек) наиболее близко к «роковому концу».

3. Человек психоэмоциональный

а) Волевая сфера

Значительно количество прозвищ, отражающих пристрастия, предпочтения их носителей, в данном случае – пищевые, ср.: *кушман* ‘редька’ > *Кушман* (*Любит есть редьку* (КПО)), *огурец* ‘огурец’ > *Сола Огурец* (*Очень любила соленые огурцы* (КПО)), *семечки* > *Семечки* (*Любила грызть семечки* (КПО)), *гõнатикан* ‘растение сныть обыкновенная’ > *Гõнатикан Сёиссез* букв. «поедающие сныть», катойконим жителей с. Пуксиб Косинского р-на. Сюда же, на наш взгляд, примыкает антропоним от наименования ягоды *озьягõд* ‘земляника’: *В детстве заплакала из-за того, что ей не оставили землянику* (КПО). Но эта номинация дает взгляд «со стороны», когда окружающие восприняли проявленные ребенком эмоции как чрезмерные, безосновательные, ненормальные, поскольку земляники в Коми-Пермяцком округе растет очень много, так что сбор земляники и продажа ее туристам и проезжающим нередко – один из значимых источников заработка у местных жителей.

Растительная лексика способна сообщать о вредных привычках носителей антропонимов: *табак* > *Табак*, *Пачка Табак* букв. ‘пачка табака’ (*Очень много курит* (КПО)). Рисуеться образ человека, настолько злоупотребляющего курением, что даже одежда и кожа его пропахли этим веществом, так что возникает ощущение, будто человек «набит» табаком (как пачка).

б) Эмоции

Благодаря прозвищу *Петшõр* из *петшõр* ‘крапива’ (*Она врач, и дети ее боялись как крапиву; Очень строгая* (Кочеве Коч.)) мы узнаем, что растение может оказаться источником страха. В данном случае одна из самых сильных человеческих эмоций ассоциируется с физической болью, жжением, которое вызывается соприкосновением с листьями крапивы. В этой связи позволим себе предположить, что предъявленная информатором мотивация антропонима неполна. Наш родительский опыт заставляет считать, что «соприкосновение» с врачом, даже самым строгим, вряд ли будет вызывать эмоции более сильные, чем раздражение или беспокойство. Вероятно, страх вызывается еще и воспоминаниями о болезненных лечебных процедурах, таких, как инъекции (особенно если речь идет об уколах антибиотиками). Строгость же врача «усугубила» ситуацию, заставляя детей думать, что их «неправильное» поведение может стать причиной соответствующего наказания. Тем самым создается образ «неправильного» врача, воздействие которого на больных обратно тому, какое он должен оказывать.

3. Человек социальный

а) Поведенческие особенности

Растительная лексика привлекается номинаторами и для трансляции сведений об асоциальном поведении человека: *зõр* ‘овес’ > *Зõр* (*Грабил овес* (КПО)). Эта злаковая культура очень неприхотлива, хорошо растет даже в условиях земель рискованного земледелия, к которым относится и Коми-Пермяцкий округ (три района здесь приравнены к районам Крайнего Севера). Однако ценилась она меньше, чем иные злаки (ячмень, рожь). Тем самым, на наш взгляд, усиливается степень вины «заклейменного» таким прозвищем мужчины, который не побрезговал даже этим; подчеркивается негативность оценки его действий односельчанами.

В прозвищах через *фитонимы* могут передаваться сведения о разовых или повторяющихся событиях, непосредственным участником которых стал человек, получивший прозвище (это так называемые «ситуативные» онимы). Ср., например, *кушман* ‘редька’ > *Кушман Лид* ‘редька Лида (Лидия)’ (*Пьяная искала по всей деревне редьку* (КПО)). В номинации запечатлелась нестандартная ситуация срочного поиска предмета явно не первой необходимости. Более того, это корнеплод, который, как известно, способен поспорить по степени неприятности вызываемых вкусовых ощущений с другими растениями («хрен редьки не слаще») и употребляется по большей части «любителями».

б) Владение речью

Отдельные фитонимы позволяют судить о речевом поведении человека, ср. *морковь* > *Морковь* (*В детстве не умел говорить слово «морковь»* (КПО)). Ненормальность здесь усматривается в том, что остальные, даже и более сложные слова, вероятно, «удавались» названному лицу, в отличие от этого, достаточно частотного слова.

в) Родственные связи

Фитонимы могут манифестировать наличие семейных связей между людьми. Это наблюдается на примере рассмотренного выше прозвища *Вөрү*, где «растительная» лексема тематически и семантически связала его с прозвищем отца.

г) Этническая принадлежность и идентичность⁶.

Безусловный интерес представляет понятие *идья-зёрья*⁷ в основе коми-пермяцкого коллективного прозвища. По свидетельству Т. Г. Голевой, «для русского населения Коми-Пермяцкого округа, которое генетически уже является смешанным и использует в речи и русские, и коми-пермяцкие слова, существуют определения *коми-роч* ‘коми-русские’, *ректан*, *ректаннэз* (*ректан* ‘мотовило’, *ректаныны* ‘запутывать нитки’), “чалдоны”, *идья-зёрья* ‘смесь ячменя и овса’, “рожь с овсом”» [Голева 2013, 46], главным образом для жителей Юрлинского района – места компактного проживания русских на территории округа⁸. Тем самым лексика флоры символизирует в данном случае этническую и территориальную (этнотерриториальную) принадлежность названных лиц. Одновременно номинация выступает как оценочная. Сравните в представленном ряду: если номинативные единицы *коми-роч* и *чалдоны*⁹ непосредственно указывают на речевые особенности их носителей, на их «чуждость», соответственно, то *Ректан*, *Ректаннэз* и *Идья-зёрья* содержат уже разные компоненты, функционируют, с нашей точки зрения, как полноценные прозвища.

Онимы, мотивированные глаголом *ректаныны*, характеризуют в большей степени речь жителей русского и коми-пермяцкого культурно-языкового пограничья. Это глагол, обозначающий конкретное физическое действие, и данная семантика переносится на действие речевое по аналогии: в процессе прядения нитей они нередко путаются, и точно так же в речи жителей пограничья регулярно смешиваются две неродственные (с точки зрения современности) языковые системы, вплетаются инородные лексические элементы, в речи возникает путаница, неразбериха. И эти факты не всегда рефлексированы говорящими (во фразах типа «*Это по-коми, а по-русски я забыла, как называется*»). В прозвище *Идья-зёрья* идея путаницы, примеси лишнего, чего-то нежелательного, идея отсутствия чистоты проявления признака становится еще более ощутимой, привносится более ярко выраженная оценочность. Оним указывает на размытость национальных признаков у его носителей, на неопределенность их этнической принадлежности. В данном случае это характеризуется явно негативно, поскольку *идья* – это не просто ‘ячменно-овсяный’ или ‘засоренный (о языке)’ [КПРС 1985, 153]. Это смесь неравноценных по своим качествам злаков: ячмень ценился выше овса, так что примесь по-

⁶ Мы различаем этническую принадлежность как объективную отнесенность человека (группы людей) к определенной народности или национальности и этническую идентичность как результат процесса этнического самоотождествления (включает сознательный, бессознательный и ценностный компоненты; основан на общности с определенными лицами языка, культуры, традиций, истории, территории и др.).

⁷ Написание «идья» используется в соответствии с рекомендациями в [КПРС 1985, 153].

⁸ «Юрлинцы обладают особым групповым самосознанием, выделяют себя из соседнего коми-пермяцкого окружения и русских других районов Прикамья» [Юрлинский край 2003, 12]. В свою очередь, «жители Юрлинского района в глазах коми-пермяков – ни то, ни сё; ни русские, ни коми-пермяки; что-то близко к семантике русского фразеологизма *ни рыба, ни мясо*» [Лобанова 2019, 407].

⁹ «Чалдоны» – слово с затемненной семантикой и неясного происхождения. Обычно им называют «чужаков»: например, русских не из центральных областей России; представителей других национальностей; пришлых; беглых заключенных; и т. п.

следнего значительно снижало качество крупы или муки. Как следствие, *Идья-зёрья* – это не просто «полукровки», это люди социально ущербные. Ср. другое прозвище жителей Юрлинского района – *Парёнки*, из *парёнка* (т. е. пареный или отварной овощ (брюква или репа), употреблявшийся как десерт¹⁰), которое, по мнению А. С. Лобановой, передает ту же семантику национальной неполноценности. Кроме того, вспомним самоназвание юрлинцев, характеризующее их этническую идентичность, – *Сори́ча*, вероятно, из *сори́ца* ‘посев из смеси овса и ячменя’ (зафиксировано в Карсвайском районе Удмуртской АССР в 1953–1957 гг.) [СРНГ 2006, 16], что вновь отсылает нас к представлениям об отсутствии чистоты чего-либо, о наличии примесей в чем-либо, а потому – о чем-то утратившем своеобразие, уникальность и вследствие этого – обесценившемся.

Особенно важен при этом тот факт, что этнотерриториальная принадлежность определяется коми-пермяками через речевые характеристики. Наши наблюдения подтверждают выводы А. С. Лобановой о том, что «оппозиция “человек моей группы” – “человек не моей группы”... основывается, в первую очередь, на особенностях языка, как наиважнейшем признаке любого этноса» [Лобанова 2019, 408].

Таким образом, лексика тематической группы «Растительный мир», которая мотивировала современные прозвища коми-пермяков, проживающих в Пермском крае, входит в целый ряд тематических (идеографических) сфер, характеризующих человека. В зафиксированных и собранных нами антропонимах человек предстает в четырех основных ипостасях: как существо экзистенциальное, физическое, психоэмоциональное и социальное. В свою очередь, в рамках данных сфер выделяются менее крупные идеографические группы культурно-семантических коннотаций.

К частным выводам можно отнести следующие наши наблюдения.

Отмечаемый фольклористами и этнолингвистами «параллелизм» в культурном восприятии человека и дерева находит свое выражение при отборе лексики для выражения тех или иных семантических коннотаций. Обнаруживается, например, такая тенденция: чем крупнее характеризуемый объект, тем крупнее часть дерева, название которой использовано в прозвище, и наоборот (так, при указании на бытийность человека апеллируют к общему названию дерева – *пу*, при характеристике частей тела человека – к названиям плодов растений).

Одна и та же лексема может нести разные культурно-семантические коннотации (так, *Вору* входит в группу «Внешность» и в группу «Родственные связи»; существует оним *Кушман* ситуативный и называющий любителя поестъ редьку). Можно говорить о существовании «культурно многозначных» понятий.

Образ часто выстраивается многогранный, номинаторами используются множественные мотивационные связи, которые нередко не «озвучиваются» информаторами, однако содержатся в антропонимации имплицитно. Например, прозвище *Арбуз Петь* было дано мужчине, вероятно, не только за большой круглый живот. Можно предположить, что особенности фигуры послужили изменению походки этого человека, заставляя его переваливаться с ноги на ногу, из-за чего на расстоянии возникает иллюзия, будто мужчина не идет, а перекачивается. По нашим наблюдениям, множественная мотивация – концептуально значимый признак прозвищ, причем не только коми-пермяцких, но и русских.

Лексика тематической группы «Растительный мир» используется преимущественно для выражения внешних характеристик человека или же «внутренних» (эмоциональных, волевых), но обязательно таких, которые проявляются внешне: в мимике, в особенностях поведения и т. п. Заметим: в наших материалах нет ни одного примера, когда бы флористическая лексика использовалась для характеристики, например, интеллектуальных способностей человека.

Наиболее значимым наблюдением мы считаем то, что в неофициальных именовании коми-пермяков (кстати, как и в случае с русскими такими номинациями) обязательно подчеркиваются аномалии, отклонения от нормы, которые могут обнаруживаться, как выясняется, в любых проявлениях человека: и физических, и психоэмоциональных, и социальных. Не обязательно подразумевается асоциальность в чистом виде (подверженность вредным привычкам, плохое здоровье, склонность к социопатии и под.). Это вообще то, что отличает человека от окружающих, выделяет его на общем фоне. Так, если в прозвище отражаются особенности роста, то это рост ненормально высокий или не-

¹⁰ Возможно, такого же происхождения прозвище женщины *Парёнка*, зафиксированное в д. Хазово (Коч.): ‘пр. женщины, родом из Юрлинского района’. Хотя нельзя однозначно отвергать и иную версию его происхождения, поскольку такой оним мог бы передавать особенности конституции его носительницы: что-то вроде ‘пр. раздобревшей, расплывшей женщины, привлекающей внимание мужчин’.

нормально низкий. Если характеризуется речь, то такая, которая затрудняет нормальное общение. Если подчеркивается этническая принадлежность, то упор делается на том, что размывает границы в общественной структуре. Иными словами, в прозвищах отражаются те свойства индивида, которые нарушают сложившийся порядок, а значит, мешают обществу нормально функционировать.

Новые материалы и наблюдения позволяют уточнить сделанный нами ранее вывод о низкой лингвокультурной маркированности «растительной» лексики в прозвищах коми-пермяков. Обнаруживается противоречие: эта лексика обладает культурно-семантическими коннотациями, но они относительно редко актуализируются носителями коми-пермяцкой культуры и языка в прозвищах.

Прозвища оказываются значимым источником этнокультурной информации о номинаторах и носителях таких наименований.

СОКРАЩЕНИЯ

Гайн. – Гайнский р-н Коми-Пермяцкого округа
 Кос. – Косинский р-н Коми-Пермяцкого округа
 Коч. – Кочевский р-н Коми-Пермяцкого округа
 КПО – Коми-Пермяцкий округ Пермского края
 пр. – прозвище

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина Т. А.* Дерево // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. М., 1999. Т. 2. С. 60–67.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014. 488 с.
- Березович Е. Л., Кабакова Г. И.* «Нутро» в психических и социальных характеристиках человека (на материале отсоматической лексики русского языка) // Антропоцентризм в языке и культуре. М., 2017. С. 227–263.
- Березович Е. Л., Рут М. Э.* Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия Уральского университета. 2000. № 17. С. 33–38.
- Березович Е. Л., Седакова И. А.* Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 2012. Т. 71. № 6. С. 12–25.
- Боброва М. В.* Лексика тематического поля «Растительный мир» в современных прозвищах коми-пермяков // Филология в XXI в. 2018. № 1 (1). С. 135–141.
- Голева Т. Г.* Мифологические персонажи в системе мировоззрений коми-пермяков. СПб., 2011. 272 с.
- Голева Т. Г.* Этнотерриториальная и этнокультурная идентичность коми-пермяков в прозвищных названиях групп // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы XI всероссийской научной конференции. Т. 2. Актуальные проблемы современной науки: взгляды молодых исследователей. Екатеринбург, 2013. С. 44–48.
- Кириллова Л. Е.* Микротопонимы как отражение социальных явлений в жизни удмуртов (на примере названий отдельных деревьев) // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: тр. Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. XII. Пермь, 2015. С. 150–156.
- Конаков Н. Д.* Калян // Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина и др.; науч. ред. В. В. Напольских. М., 1999. С. 184.
- Конаков Н. Д.* Пу // Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина и др.; науч. ред. В. В. Напольских. М., 1999. С. 317–318.
- Королева С. Ю.* Представления о деревьях у русских и коми-пермяков Северного Прикамья (к вопросу о формировании культурных идентичностей) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 15: Стратегия и практика полевых исследований. М., 2012. С. 43–61.
- КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авт.-сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985. 624 с.
- Лобанова А. С.* О внешней и этнической идентификации средствами языка (на материале локальных этнографических групп коми-пермяков, а также русских, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 3. С. 403–411.
- Лупьинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник / авт. коллектив: Т. Г. Голева, И. А. Подюков, Л. Г. Пономарева, А. В. Черных. Пермь, 2011. 142 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2007. 784 с.
- Осипова К. В.* Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект // Вопросы ономастики. 2017а. Т. 14. № 1. С. 87–109.
- Осипова К. В.* О принципах составления этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера»: на примере статьи «Каша» // Традиционная культура. 2017б. № 4 (68). С. 111–123.

Подюков И. А. Культурные коннотации лексем ДЕРЕВО/ПУ в русском и пермских языках // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: тр. Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. XII. Пермь, 2015. С. 163–168.

Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / авт. коллектив: А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь, 2008. 502 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2006. Вып. 40. 352 с.

Томилиная М. А. Растительный код в коми-пермяцких фразеологизмах // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: тр. Ин-та языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. XII. Пермь, 2015. С. 174–179.

Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.

Энциклопедия уральских мифологий. Т. I. Мифология коми. М., 1999. 480 с.; Т. II. Мифология манси. Новосибирск, 2001. 195 с.; Т. III. Мифология хантов. Томск, 2000. 304 с.; Т. IV. Мифология селькупов. Томск, 2004. 382 с.

Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX – XX вв. Материалы и исследования / авт. коллектив: А. А. Бахматов, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Кудымкар, 2003. 496 с.

Komi mütoloogija // Sarja toimetajad: Anna-Leena Siikala, Vladimir Napol'skikh, Mihály Hoppál. Tartu, 2015. 472 lk.

Sharapov V. E. Birch and Spruce in Mythological Concepts of the Komi People. *Uralic Mythology* (Specimina Sibirica VI). Szombathely: Savariae, 1993. Pp. 159–170.

Поступила в редакцию 25.06.2020

Боброва Мария Владимировна,

кандидат филологических наук

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9,

E-mail: bomaripgu@yandex.ru

M. V. Bobrova

KOMI-PERMYAK LEXIS OF THE THEMATIC GROUP “FLORA” FROM AN ETHNOLINGUISTIC POINT OF VIEW

(on the material of modern nicknames)

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-384-394

The article is dedicated to the lexis of the thematic group "Flora" that motivated the modern nicknames of the Komi-Permyaks living in the Perm region.

Within the framework of ethnolinguistics, thematic (ideographic) spheres of secondary meanings are identified in the group's vocabulary. It is concluded that floristic lexicon is used to sign the existential, physical, psychoemotional and social characteristics of a person. Within these spheres more specific groups of cultural-semantic connotations are distinguished. The person is characterized from the following positions:

- 1) existence: the man is a living being, it is an element of a certain world concept;
- 2) physical and physiological characteristics: the person has primarily physical traits such as height, physique, the shape of the body and its parts. There are also exterior traits including the features of facial expressions, dominant color in appearance and the general aesthetic properties of a person's appearance. In addition, the person's sexual orientation and health status are taken into consideration.
- 3) psycho-emotional characteristics: as a willing being, the person shows preferences, primarily for food, and dependence on some bad habits; as an emotional being, the person shows fear;
- 4) socially significant features: first of all, the human participation in public life is essential (in our case, the ability to be a participant in certain events or the tendency to asocial behavior), features of speech behavior, the presence of kin (family) relationships and also ethnoterritorial, ethnic identity and ethnicity.

There is a contradiction between the fact that the vocabulary of flora has linguistic and cultural concerns, and the fact that such vocabulary is rarely applied creating nicknames.

It is concluded that nicknames are a significant source of ethnocultural information about the nominators and the bearers of such names.

Keywords: Komi-Permyaks, Perm region, thematic group, flora, nicknames, ethnolinguistics, thematic (idiographic) sphere, cultural-semantic connotations.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 3, pp. 384–394. In Russian.

REFERENCES

- Agapkina T. A.** *Derevo* [Tree]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar': V 5 tt.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.]. Moscow, 1999. Vol. 2. Pp. 60–67. In Russian.
- Berezovich E. L.** *Russkaya leksika na obshchoslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary in the common Slavic background: a semantically motivated reconstruction]. Moscow, 2014. 488 p. In Russian.
- Berezovich E. L., Kabakova G. I.** «Nutro» v psikhicheskikh i sotsial'nykh kharakteristikakh cheloveka (na materiale otsomaticheskoi leksiki russkogo yazyka) ["Nutro" 'gut' in the mental and social characteristics of a person (on the material of the idiomatic vocabulary of the Russian language)]. *Antropotsentrizm v yazyke i kul'ture* [Anthropocentrism in language and culture]. Moscow, 2017. Pp. 227–263. In Russian.
- Berezovich E. L., Rut M. E.** *Onomasiologicheskii portret realii kak zhanr lingvokul'turologicheskogo opisaniya* [Onomasiological portrait of realia as a genre of linguistic and cultural description]. *Izvestiya Ural'skogo universiteta* [Proceedings of the Ural University]. 2000. № 17. Pp. 33–38. In Russian.
- Berezovich E. L., Sedakova I. A.** *Slavyanskije somatizmy «kozha» i «shkura» i ikh vtorichnye znacheniya* [Slavic somatism "kozha" 'skin, leather' and "shkura" 'skin' and their secondary meanings]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings RAS. Ser. literature and language]. 2012. V. 71. № 6. Pp. 12–25. In Russian.
- Bobrova M. V.** *Leksika tematicheskogo polya «Rastitel'nyi mir» v sovremennykh prozvischakh komi-permyakov* [The lexicon of the thematic field "Flora" in modern nicknames of Komi-Permyaks]. *Filologiya v XXI v.* [Philology in XXI century]. 2018. № 1 (1). Pp. 135–141. In Russian.
- Goleva T. G.** *Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzrenii komi-permyakov* [Mythological characters in the worldview system of the Komi-Permyaks]. Saint-Petersburg, 2011. 272 p. In Russian.
- Goleva T. G.** *Etnoterritorial'naya i etnokul'turnaya identichnost' komi-permyakov v prozvischnykh nazvaniyakh grupp* [Ethnoterritorial and ethnocultural identity in Komi-Permyak nicknames]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII–XXI vv.* [Industrial Ural. Bakunin readings. Industrial modernization of the Ural in the XVIII–XXI centuries]. Materials XI all-Russian scientific conference/ Vol. 2. Actual problems of modern science: views of young researchers. Ekaterinburg, 2013. Pp. 44–48. In Russian.
- Kirilova L. E.** *Mikrotoponimy kak otrazhenie sotsial'nykh yavlenii v zhizni udmurtov (na primere nazvanii ot del'nykh derev'ev)* [Microtoponyms as a reflection of social phenomena in the life of Udmurts (on the example of the names of individual trees)]. *Komi-permyatskii yazyk i kul'tura: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Komi-Permyak language and culture: past, present, future]. Works of Institute of the language, history and traditional culture of the Komi-Permyak people. Is. XII. Perm, 2015. Pp. 150–156. In Russian.
- Konakov N. D.** *Kalyan* [Kaljan]. *Mifologiya Komi* [Komi mythology] / authors: N. D. Konakov, A. N. Vlasov, I. V. Il'yina, etc.; scientific editor V. V. Napol'skikh. Moscow, 1999. P. 184. In Russian.
- Konakov N. D.** *Pu* [Pu]. *Mifologiya Komi* [Komi mythology] / authors: N. D. Konakov, A. N. Vlasov, I. V. Il'yina, etc.; scientific editor V. V. Napol'skikh. Moscow, 1999. Pp. 317–318. In Russian.
- Koroleva S. Yu.** *Predstavleniya o derev'yakh u russkikh i komi-permyakov Severnogo Prikam'ya (k voprosu o formirovanii kul'turnykh identichnostei)* [Views of trees of the Russian and Komi-Permyaks in the Northern Kama region (on the formation of cultural identities)]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Is. 15: *Strategiya i praktika polevykh issledovaniy* [Strategy and practice in field research]. Moscow, 2012. Pp. 43–61. In Russian.
- KPRS – Komi-permyatsko-russkii slovar'* [KPRS – Komi-Permyak–Russian dictionary] / ed.-composition. R. M. Batalova, A. S. Krivoshechekova-Gantman. Moscow, 1985. 624 p. In Komi-Permyak and Russian.
- Lobanova A. S.** *O vneshnei i etnicheskoi identifikatsii sredstvami yazyka (na materiale lokal'nykh etnograficheskikh grupp komi-permyakov, a takzhe russkikh, prozhivayushchikh na territorii Komi-Permyatskogo okruga)* [About the external and ethnic identification by means of language (based on the names of local ethnographic groups of Komi-Permyaks and Russians living in the Komi-Permyak Okrug)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 13. № 3. Pp. 403–411. In Russian.
- Lup'intsy: istoriya, kul'tura, yazyk. Etnolingvisticheskiy sbornik* [Lup'ya People: history, culture, language. Ethnolinguistic collection] / team of authors: T. G. Goleva, I. A. Podjukov, L. G. Ponomareva, A. V. Chernykh. Perm, 2011. 142 p. In Russian.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G.** *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Thesaurus of Russian proverbs]. Moscow, 2007. 784 p. In Russian.
- Osipova K. V.** *Dialektnye prozvischcha Russkogo Severa, obrazovannye ot nazvanii pishchi: etnolingvisticheskiy aspekt* [Dialectal nicknames in Northern Russia derived from names of food: an ethnolinguistic approach]. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics]. 2017. Vol. 14. № 1. Pp. 87–109. In Russian.
- Osipova K. V.** *O printsipakh sostavleniya etnolingvisticheskogo slovarya "Pishcha Russkogo Severa": na primere stat'i "Kasha"* [On the principles of compiling an ethnolinguistic dictionary "Northern Russian food": on the example of the article "Kasha"]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2017. № 4 (68). Pp. 111–123. In Russian.
- Podyukov I. A.** *Kul'turnye konnotatsii leksem DEREVO/PU v russkom i permskikh yazykakh* [Cultural connota-

tions of the *DEREVO/PU* 'tree' lexemes in Russian and Permian languages]. *Komi-permyatskii yazyk i kul'tura: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Komi-Permyak language and culture: past, present, future]. Works of Institute of the language, history and traditional culture of the Komi-Permyak people. Is. XII. Perm, 2015. Pp. 163–168. In Russian.

Russkie v Komi-Permyatskom okruge: obryadnost' i fol'klor [Russians in the Komi-Permyak Okrug: ritual and folklore]. Materials and research / team of authors: A. A. Bakhmatov, T. G. Goleva, I. A. Podjukov, A. V. Chernykh. Perm, 2008. 502 p. In Russian.

SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Saint-Petersburg, 2006. Is. 40. 352 p. In Russian.

Tomilina M. A. *Rastitel'nyi kod v komi-permyatskikh frazeologizmakh* [Floral code in Komi-Permyak phraseological units]. *Komi-permyatskii yazyk i kul'tura: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Komi-Permyak language and culture: past, present, future]. Works of Institute of the language, history and traditional culture of the Komi-Permian people. Is. XII. Perm, 2015. Pp. 174–179. In Russian.

Chistov K. V. *Narodnye traditsii i fol'klor: ocherki teorii* [Folk traditions and folklore: theoretical essays]. Leningrad, 1986. 304 p. In Russian.

Entsiklopediya ural'skikh mifologii [Encyclopedia of the Uralic mythology]. Vol. I. *Mifologiya komi* [Komi mythology]. Moscow, 1999. 480 p. Vol. II. *Mifologiya mansi* [Mansi mythology]. Vol. III. Novosibirsk, 2001. 195 p. *Mifologiya khantov* [Khanty mythology]. Tomsk, 2000. 304 p. Vol. IV. *Mifologiya sel'kupov* [Selkup mythology]. Tomsk, 2004. 382 p. In Russian.

Yurlinskii kraï. Traditsionnaya kul'tura russkikh kontsa XIX–XX vekov [Yurlisky region. The traditional Russian culture of the late XIX–XX centuries]. Materials and research / authors: A. A. Bakhmatov, I. A. Podjukov, S. V. Khorobrykh, A. V. Chernykh. Kudymkar, 2003. 496 p. In Russian.

Komi mütoloogia [Komi mythology] // editors: Anna-Leena Siikala, Vladimir Napol'skikh, Mihály Hoppál. Tartu, 2015. 472 lk. In Estonian.

Sharapov V. E. Birch and Spruce in Mythological Concepts of the Komi People // *Uralic Mythology (Specimina Sibirica VI)*. Szombathely: Savariae, 1993. P. 159–170. In English.

Received 25.06.2020

Bobrova Maria Vladimirovna,

Candidate of Philology

Institute for Linguistic Studies, RAS

9, Tuchkov pereulok, Saint-Petersburg, 199053, Russian Federation

E-mail: bomaripgu@yandex.ru